

МИХАИЛ ЮХМА,
чувашский писатель

Фото В. ИСАЕВА и И. НИКИФОРОВА

ДОРОГА ЛЕБЕДЕЙ НАД СУГУТАМИ

Я еду в Сугуты. В то далекое от городов и больших дорог селение, где родился и вырос, где сделал первый шаг по земле, где произнес первое слово на родном языке.

Тяга к Сугутам у меня в крови. Мои предки, древние тюрки, прото-болгары, пасли скот, совершали большие переходы в поисках пастбищ и возвращались к родному крову после весеннего праздника Сюл сяварни — Возвращение в след. Места, где они родились, были для них отправной точкой. И отправной точкой — в мыслях, в делах, в пространстве — остались для меня...

Но если у предков само возвращение длилось полгода, то мое — четыре часа, столько, сколько идет автобус от Чебоксар до Сугут.

Спускаюсь с высокой горки, перехожу через речку. Вот и деревня. Мимо проходят люди. Я кланяюсь им:

— Аван-и!

Пожилые отвечают по древнему обычаю:

— Аван-ха.

А молодые:

— Салам.

Девушки улыбаются мне. Они, как весенние цветы, в ярких двуборочных национальных платях. Я иду и смотрю по сторонам: на домах — паутины телевизионных антенн. А это новый, недавно посаженный сад. Шумит от ветра листва...

Выхожу на главную улицу. И вспоминаю себя мальчишкой. Как выбегал на эту улицу босиком, вставал на середину дороги и проверял своею тенью время. Именно — своею тенью время...

Главная улица называется Ендимер-касси. Она по обычаю чувашей тянется точно с севера на юг. И ровно в полдень солнце прямыми лучами падает на нее. Так строились деревни моего народа с незапамятных времен. Главная улица селения для жителей была нулевым меридианом, им проверялось время, им определялись стороны света и направления больших дорог. До сих пор меня удивляет, как ухитрились они прокладывать такую длинную, прямую как стрела улицу. Без измерительных приборов... И ведь дома строились в старину не так, как сейчас — бок о бок, а гнездышками. Каждый род строил свои дома вокруг главного гнезда, вокруг дома родоначальника. И как бы они ни ставились, как бы ни расширялись, прямизну главной улицы сохраняли.

И если какой-нибудь род задумывал большое дело, то все ждали, когда Большая Медведица опрокинет свой ковш на Ендимер-касси. Тогда выхо-

В дни Синьзе — дни пробуждения травы — проходят девичьи гулянья. Никто из парней никогда еще не разгадал ход замысловатых фигур красочного хоровода.

дили старейшины на главную улицу и, протягивая руки к небу, говорили слова молитвы. Тем самым считалось, что дело начато и небо будет на их стороне.

И я люблю выходить ночью на улицу и ждать, когда Алдыр-Силдар — Большая Медведица — опрокинет свой ковш на главную улицу, и думать о своей новой книге...

Прохожу по лапу — сельской площади. Помню, сюда по вечерам собирались мудрые шурсухалы и вели нескончаемые беседы о вечности и переменчивости жизни, о бессмертии мечты. Здесь играли мы, ребяташки. Здесь проходили девичьи гулянья в дни Синьзе — пробуждения травы. Я вижу, как наяву, моего старого друга, мудрого пастуха Алим-пичче. Здесь ждали мы его вечернею порою, здесь сидели около него, слушали сказку о Кармал-баторе, спящем уже несколько веков под землей и готовом встать, когда народу грозит опасность; о Ламане-баторе, величайшем герое Чувашии; о Сунае и его железном коне; об Ульпе, добром великане, восставшем против бога, чтобы дать людям счастье...

Но самое незабываемое — это вайа, девичьи хороводы...

Дома встречает меня мать.

— Я ждала тебя сегодня, — говорит она.

Всегда так: каким-то чутьем угадывает она день моего приезда.

Спрашиваю у матери:

— Выходят девушки на хоровод?

— Как же, выходят. Не выходить нельзя.

Вечером я вышел на сельский лап. Красивы хороводные песни. У них особая, мягкая и задумчивая, мелодия, будто идущая из глубин веков. А слова? А слова меняются. Только начальная песня, как зачин, как приглашение начать хоровод, всегда повторяется:

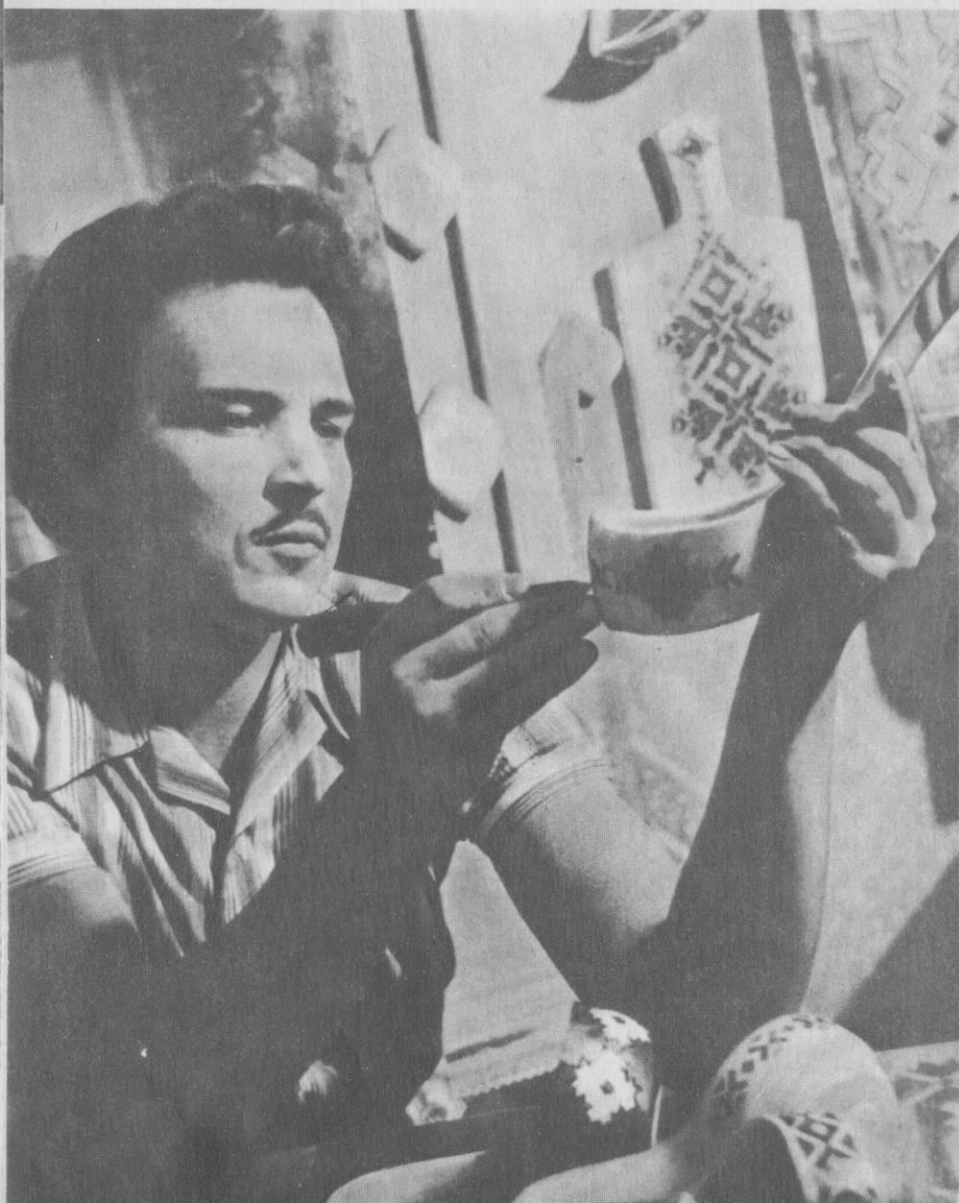
— Эй выляма — выляма

Выляма тарри хурама-а-а!

Смотрю на хоровод и вспоминаю записи русского писателя Н. Г. Гарина-Михайловского. Он в 1900 году в очерках «В сутолке провинциальной жизни» так описывает чувашский хоровод:

«...Большой круг плавно и медленно двигался; девушки шли в пол-оборота, одна за спиной у другой. Один шаг они делали большой, останавливались и тихо придвигали другую ногу.

На сцене это показалось бы, может быть, выдумкой — здесь же был есте-

ствен и непередаваемо красив этот хоровод молодых весталок.

Они смотрели перед собой и пели...

На них были надеты род белых длинных рубах, обшитых красным кумачом, перепоясанных красными поясами, сзади спускался род хвостов, а на голове были оригинальные уборы: металлические шапочки, в роде тех, что носили древние воины времени Владимира, с острой шишечкой на макушке; на грудь, вдоль щек, от шапочки падали длинные застежки, все обшитые мелкой и крупной серебряной монетой».

Здесь Гарин-Михайловский описывает тухью чувашек. Только девушки имели право надевать ее. Выходили замуж, тогда повязывали головные повязки — сурбаны, надевали украшения из бисера и монет — хушпу.

Я стоял и смотрел на современную чувашскую вайа.

...Девушки остановились. Лукаво взглянули друг на друга и стали ходить не по кругу, а делая разные замысловатые фигуры: вот они идут зигзагом, то образуют треугольники, то лебединые крыла.

Парни подошли к девушкам и стали внимательно смотреть, которая из них первой разорвет круг. И кто из парней сразу же схватит ее, тот и будет счастливым. Но редко им удается схватить ту девушку, которая первой разорвет круг, — подружки охраняют ее. И опять движется хоровод, пишет фигуры, девушки по ним могут определить, кто из них первой разорвет круг, но для парней — это тайна. Никто из них никогда еще не прочел ход замысловатых фигур.

Именно не прочел. Легенды моего народа говорят, что этот ход деву-

Говорят, для доброго человека доброе имя будет памятником, для мастера — его дела.

Агатуй — праздник весны, красоты, силы и мечты. Агатуй в дословном переводе — «свадьба плуга с землей»...

шек — остатки древней письменности и что, зная эту письменность, можно прочесть желания и мечты девушек.

Песня еще летит по округе. Но круг уже разорван. Топот ног, крики, смех, разочарованные вздохи. Опять парни остались ни с чем...

Вайа хранит культуру моего народа.

На другой день я решил навестить моего старого друга Шан-Шаккая-мучи из соседней деревни Уби. Давно мы с ним не встречались... Шан-Шаккаймучи — лучший мастер резьбы по дереву. Это он подарил мне кэле — деревянный замок, который открывается только после того, как прокукует три раза.

В доме Шан-Шаккаймучи меня встретила круглолицая женщина, невестка деда.

— Пусть будет легкой его земля, — сказала она. — В прошлом году похоронили.

И повела меня на могилу. Я ее сразу узнал. Она выделялась из всех могил тем, что стоял на ней не крест, а столб, украшенный резьбой. Вершину столба венчал красный круг, тоже покрытый орнаментом.

— Сам делал. Говорил: для доброго человека — доброе имя будет памятником; для него, мастера, — его дела.

Я долго стоял перед могилой этого человека, мудрого философа, который и после смерти учил людей любить прекрасное, народное...

— Тебя он ждал перед смертью, — говорит невестка. — Всем знакомым, друзьям подарил резные игрушки, а для тебя просил сохранить Таш-Ташла-Ташлая.

— Неужели и его смог вырезать? — удивился я.

— Да. Это его последняя работа. Таш-Ташла-Ташлай, которого мучи велел оставить для меня, был очень похож на того сказочного героя-музыканта, который рисовался в моей памяти: такой же курносый, толстощекий, всегда улыбающийся.

— Вот на эту кнопку надо нажать, — говорит мне невестка старого мастера.

Я осторожно нажимаю. И... руки музыканта распахнули мехи гармошки, задвигались голова, рот, лицо, а потом... заплясал мой деревянный музыкант! Совсем как в сказке. Сам играет, сам поет, сам пляшет. Только музыки не слышно.

— Не успел доделать, — объясняет невестка Шан-Шаккая.

Чувашские вышивки можно читать как книгу: одни рассказывают о любви, другие — об изобилии домашнего скота, третьи — об охотнике, вышедшем на промысел.

Я вернулся домой с подарком своего старого друга.

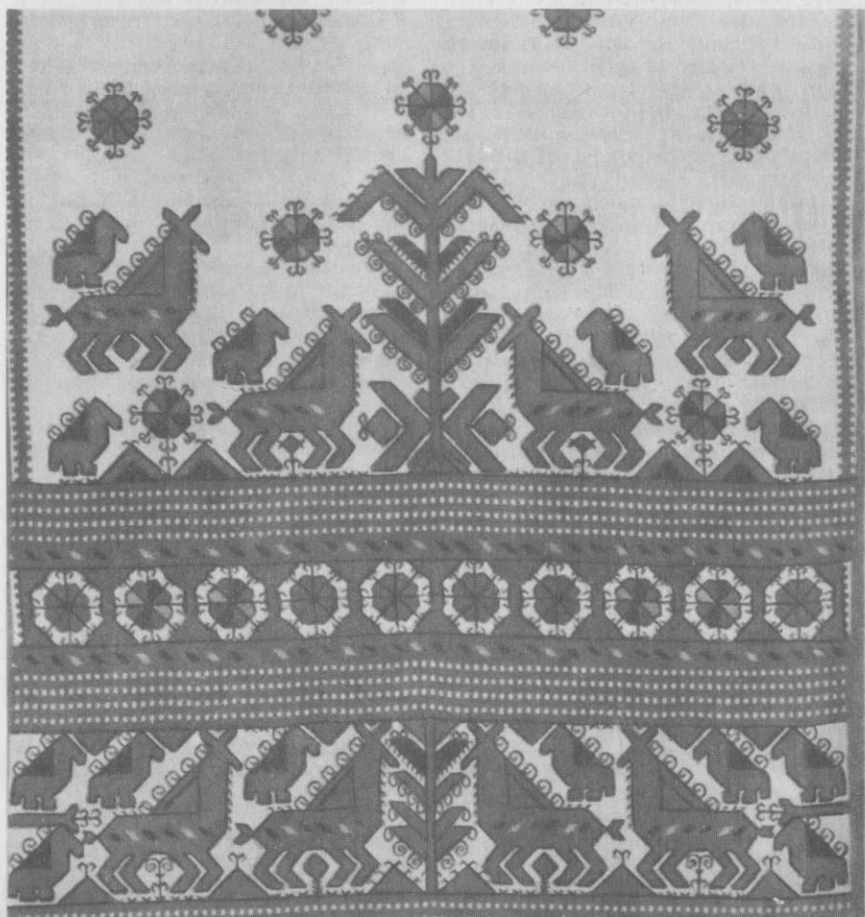
Мать поставила самовар. Сели за стол. Выпил чашку чая. Взглянул на дно: кругообразные линии, нанесенные золотистой краской. Помню, я был еще ребенком, когда на праздниках один хромой чуваш продавал разрисованные глиняные чашки, тарелки. Люди брали эти чашки как очень дорогую вещь и ставили на стол, ког-

да приходили гости. Оказывается, это искусство не забыто. Смотрю на другую чашку. Вижу легендарного Ульша...

— Хочешь кастиле? — говорит мать. — Только что сварилось.

— Кастиле?.. Конечно, хочу, мама! Помнишь ты, мать, что я люблю это кушанье. Суп из овощей, сваренных на молоке.

Зашел сосед, садится с нами за стол.

Мать положила разрисованные деревянные ложки. Сосед восторгается ими:

— Помню, помню, в прошлом году продавали их на агатуе. Эх, напрасно не купил тогда. — Смотрит на меня. — А я пришел пригласить тебя на районный агатуй. Завтра начнется.

Агатуй — праздник весны, красоты, силы и мечты. Агатуй в дословном переводе — свадьба плуга с землей-матерью. В древности его устраивали в честь окончания весенних полевых работ как обряд венчания земли с плугом. Сейчас праздник прославляет труд, мастеров земли.

Проводят агатуй районный, Республиканский. Проводят его и отдельные колхозы.

До начала агатуя мы с соседом решили пройти по торговым рядам. Прямо на траве старый бородастый чуваш разложил глиняные игрушки и посуду, расписанные орнаментами и рисунками.

— Кто это делал? — спрашиваю у старого чуваша.

— Оста-Мигулай, — отвечает он.

— А кто это?

— Это я, — улыбается старик. — Нравится?

— Начинается! Начинается! — Народ повалил на широкий луг.

Агатуй начинается, как всегда, традиционной игрой чувашей — разбиванием горшка.

Огромная толпа образует широкий круг. На середину его выходят игроки с клюшками. Перед ними ставят вверх дном горшки. Игрокам завязывают глаза и отводят на десять шагов. Тут они должны три раза повернуться вокруг себя и идти обратно. Кто сумеет определить правильное направление и разбить горшок — тот и будет победителем.

После этой игры начинаются состязания бегунов. Путь многих наших легкоатлетов начался с побед на агатуях...

За бегунами на зеленый травяной ковер выходят борцы. Все они обычно тяжеловесы — ступают медленно, уверенно, с истинно богатырским достоинством. Каждую победу зрители встречают криками одобрения. У нас очень любят борцов. В старину о них тут же, на поле, народные певцы славали песни.

И все-таки самый любимый вид состязаний на агатуях — скачки! Вот выехали на широкое поле всадники. Словно приросли к коням. Ждут сигнала, чтобы помчаться вихрем, опережая друг друга. Тут требуется большое искусство. Надо, чтобы конь, как и всадник, стремился к победе. В старину скакового коня воспитывали специально — так, чтобы не мог конь терпеть, когда впереди бежит другой...

И вот на поле все готово к скачкам. Люди спорят, какой конь придет

первым. Многие предсказывают победу двум скакунам. Один из них — серый, в яблоках. Другой — белый-белый, как рафинад.

Выстрел.

Кони рванулись. Серый сразу вышел вперед. Вытянулся в струнку. Голова, шея... — весь как летящий лебедь.

А всаднику на белом скакуне не повезло. Его конь запрямылся, встал на дыбы, громко заржал. Крутанулся на задних ногах.

— Эх, Шурут опять заартачился! — закричали мальчишки.

А один из них даже заплакал от обиды.

— Поласковее ты с ним! Поласковее! — кричит он сквозь слезы юноше, что сидит на скакуне; оказывается, всадник — его старший брат.

— Ничего, он еще многих обставит, — уверенно басит силач, только что положивший на лопатки подряд трех бойцов.

А всадник, держась одной рукой за шею вздыбившего коня, другой гладит, приговаривая: «Шурут, Шурут... Аряс, аряс!»¹

— Повод, повод ослабь! — подсказывают ему болельщики. — Он привык на свободном!

И в самом деле, когда всадник ослабил повод, конь вихрем сорвался с места и понесся.

— Догони остальных, догони всех, Шурут! — перестав плакать, сорвался за конем брат всадника. — Аряс, аряс! Вот уже оба скакуна — белый и серый — скрываются вдаль...

Проходит несколько томительных минут.

— Скачут, обратно скачут! — снова зашумела притихшая было толпа.

— Кто... кто впереди? — хриплым, пересохшим от волнения голосом кричит какой-то дед.

— Серый! — отвечает ему сосед.

— Шурут перегоняет!.. Давай, давай, Шурут! Нажми! — кричат, ликую, мальчишки.

И в самом деле белый конь уже на полкорпуса идет впереди своего серого соперника.

И вот финиш. Взрыв криков и аплодисментов.

— Шурут, Шурут победил! Не конь — птица быстрокрылая!

До позднего вечера длится празднество.

Самое главное богатство у моей матери арча — деревянный сундук, древнее которого в доме нет ничего.

В тот день солнце светило не так, как обычно. Его лучи струились каким-то желто-фиолетовым светом, в каждом углу двора играло марево.

Забегалась мать с утра в этот день.

Она вывесила во двор, на солнце,

все, что хранится в древнем арча. Здесь и керю гутри — женихов платок, сара-яргач, невестины принадлежности, как рафинад, вышивки... И, конечно, сурбаны, похожие на длинные полотенца, вышитые орнаментами и фигурами. Некоторые из них подарены матери ее бабушкой, но многие она вышила сама. Мать считается в деревне мастерицей. Все это богатство она хранит до тех дней, когда внуки ее вырастут и родной дом для них станет тесным. Тогда она подарит им все эти вещи, но самым большим подарком будут сурбаны...

Я всегда восторгаюсь сурбанами матери. Они мне кажутся какой-то старинной книгой, рассказывающей историю моего народа.

Рассматриваю сурбаны, помогая матери их повешивать. Замечаю, что вытканы они из особой, очень тонкой шерсти. Нет, это не овечья шерсть.

— Для сурбана специально привозили из далеких стран особую шерсть — тэве сьам, — объясняет мать.

— Тэве сьам? Тэве — верблюд, сьам — шерсть. Значит, верблюжья шерсть. А почему именно тэве сьам?

— Так уж повелось с давних времен.

— Но ведь чтобы достать верблюжью шерсть, надо было ездить очень далеко?

— Что поделаешь? Так завещали предки, сынок. А вообще-то старые люди рассказывали, что когда-то чуваша сами жили в теплых странах и держали верблюдов.

Снова и снова рассматриваю узоры сурбанов. И делаю для себя еще открытие: в центре, притягивая к себе все остальные линии и фигуры вышивок, светятся три красных кругообразных цветка... Лепестки не везде одинаковы, одни — щупальцами, другие — ушками. Но везде они окрашены в красно-желтый цвет. Везде их три. А на том цветочке, который находится в середине, красный цвет более яркий.

— Анне¹, почему на всех сурбанах три кругообразных красно-желтых цветка? — спрашиваю я.

И мать рассказала мне старинную легенду.

...Было когда-то в мире не одно, а три солнца. И находились они близко к земле. Люди не знали, что такое зима, снег, лед. А вокруг росли удивительные растения и деревья, которые давали людям все, что надо было для жизни, для здоровья, для веселья.

Но были люди, которые не понимали, как хорошо жить в теплых странах. Они часто жаловались:

— Невозможно дышать! Хотим, чтоб было не три, а одно солнце.

Их, недовольных, называли кушанами. Они не слушали мудрых слов шурсухалов, которые предостерегали их от таких жалоб.

¹ Аряс (чуваш.) — непереводимое слово. междометие, выражает ласку.

¹ Анне (чуваш.) — мать, мама.

— Убить надо одно солнце! — решили они.

И пригласили на сельский лап знаменитого охотника. Но тот отказался выполнить их приказ.

— Сейчас убьем тебя самого! — прикрикнули на него куштаны.

Тогда, страшась смерти, охотник натянул тетиву лука, долго целился и выстрелил. Стрела попала прямо в сердце небесному светилу. Оно погасло. Но жара не убыла.

— Убей еще одно! — приказали куштаны охотнику.

Тот убил и другое солнце.

Оставшееся светило испугалось людей и убежало высоко-высоко, куда не могла долететь стрела.

И тут люди с ужасом заметили, что стало холодно. Слишком холодно. Замерзли деревья, травы. Стали умирать дети. Не хватало пищи. Снега замела поля и луга. Реки покрылись льдом...

Испугались куштаны и пошли с поклоном к шурсухалам. Те сказали:

— Не послушались вы нас и совершили непоправимое. Убитые светила уже не оживить. А оставшееся больше не верит людям. Надо сделать так, чтобы оно поверило нам и возвратилось.

— Да, да, — соглашались люди, — мы на все готовы, чтобы возвратилось солнце.

— Хорошо, — сказали мудрецы. — Надо всем начать рисовать три солнца. Всюду. На земле, на стенах домов, на стеклах окон. А наши женщины пусть рисуют три солнца, которые светили нам, на тканях. Тогда остав-

шееся солнце поймет, что люди одумались, жалеют о содеянном, и вернется к нам...

Так родились сурбаны, — закончила свой рассказ мать.

— Скажи, а какие еще бывают сурбаны?

— Разные, — говорит мать. — Вот такие, например, ткали старые женщины. В них преобладают темные и зеленоватые цвета. А подобные этому ткнут женщины, готовящиеся стать матерью, по-другому говоря, имеющие сорок ногтей. Чуваши любили удвоенный мир. И на сурбане, видишь, повторение одних и тех же красок, линий, фигур. А молодые девушки ткали такие, — говорит мать, указывая на сурбан, в котором преобладают красный и желтый цвета.

Но на каждом сурбане все те же три солнца...

С давних времен, глядя на разнообразные вышивки сурбана, тамга-знаки и орнаменты, люди удивлялись тому, что каждый из рисунков имел свое название, свое толкование. Одни вышивки выражали тему любви, другие — тему изобилия домашнего скота, третьи — выход охотника на промысел.

Зная смысл разных вышивок, люди порой могли читать сурбаны, как настоящее письмо. Это и натолкнуло ученых на мысль, что, может быть, здесь и кроется тайна письменности чувашей? Мысль оказалась верной. Действительно, тамга-знаки, узоры и орнаменты — элементы древней письменности народа. Вот почему чувашки оберегали их, передавая из

поколения в поколение. Много трагических страниц знала далекая история моего народа, и все-таки люди смогли сохранить древнюю письменность. Они знали, что, пока она существует, народ силен. Письменность стала вышивкой, орнаментом, тамга-знаком. Может быть, на основе этого возможно воссоздать общую картину древней письменности?

Художница Екатерина Ефремова занялась пропагандой чувашской вышивки. Открыта фабрика «Паха тере», которая делает многое для того, чтобы освоить сложнейшие древние традиции искусства вышивки.

В ночь перед отъездом мне не спалось. Я вышел из дома и пошел по направлению к лапу-площади, где обычно собирались мудрые шурсухалы. По темному небу катился серебристый диск луны. При свете ее лица стариков казались мраморными.

— Знаешь, как о Луне говорят? — спросил меня один из шурсухалов. — Ходит-гуляет бледнолицая девушка, а утренняя заря — это огненный конь, что через Волгу смотрит...

Над нашими головами тысячами звезд светился Млечный Путь. Чуваши называют его Хуркайк-сюле — Дорога лебедей.

— А знаешь, как родилась Хуркайк-сюле? — посмотрел на меня шурсухал. — Лебеди, что летели на юг, бросили по перышку раненой птицы, чтобы она смогла долететь...

Я прощался с Сугутами.

с. Сугуты, Чувашская АССР

СТРАННЫЙ КЛАД, КОТОРОМУ НЕТ ЦЕНЫ

В 1908 году все европейские газеты ударили в набат: «Сошел с ума французский миллионер Кан! Все свои богатства он решил потратить на глупейшее мероприятие — отправить с группой фотографов вокруг света. Они будут снимать все подряд».

Больше ничего не сообщалось. Цели экспедиции тогда были не совсем ясными. Вскоре начались события, предшествующие первой мировой войне, и о странностях богача вообще забыли. Лишь в 1913 году где-то мелькнула короткая информация, что имущество разорившегося миллионера продано с торгов.

Загадка начала проясняться только в 1975 году, когда на окраинах Парижа принялись сносить старые дома. В подвале одного из них обнаружили десятки старинных кованых сундуков, набитых негативами — 72 тысячи пластинок и 140 тысяч рулонов пленки. Состояние их было плохим, и ре-

ставраторам пришлось немало потрудиться.

Когда сделали первые отпечатки, специалисты пришли в восторг и признали, что найден клад, бесценный для историков и этнографов. На снимках отображены сцены обыденной жизни многих народов нашей планеты, ритуальные танцы, обряды, образцы украшений, одежды, керамики. Неведомые фотографы потрудились на славу, создав настоящую этнографическую энциклопедию. А многие из снимков, сделанных в Европе, Африке и на островах Тихого океана, просто уникальны.

Сразу определить хозяина клада не удалось. Лишь фигура в тропическом шлеме на отдельных кадрах подсказала, что владелец его — Кан.

Коллекция негативов изучается группой парижских этнографов и по сей день. Чем же обусловлены столь долгие сроки, если газеты утвержда-

ют, что сундуки содержат материал для целого музея о жизни нашей планеты семьдесят лет назад? Дело в том, что возникли трудности весьма сложного свойства. Отсутствуют записи с точными датами и географическими координатами. Так что разобраться во всем без кропотливого научного исследования просто-напросто невозможно.

ЗАГАДКИ
ПРОЕКТЫ
ОТКРЫТИЯ